

МИНЗДРАВ РОССИИ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Омский государственный
медицинский университет»
Министерства
здравоохранения Российской Федерации
(ФГБОУ ВО ОмГМУ Минздрава России)

ул. Ленина, д. 12, г. Омск, 644099
т. (3812) 957-001, т/ф (3812) 957-002
E-mail: rector@omsk-osma.ru

ОКПО 01963321 ОГРН 1035504001500

ИНН/КПП 5503018420/550301001

15 ФЕВ 2021 № 844/1

На № _____ от _____

УТВЕРЖДАЮ
Проректор по НИР
ФГБОУ ВО «Омский государственного
медицинский университет
Минздрава России»
д-р мед. наук, профессор

А.В. Пискалов
«15» февраля 2021 г.

ОТЗЫВ
ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ –
Омского государственного медицинского университета –
на диссертационную работу
Забелиной Екатерины Юрьевны
«Проблема жизни и смерти в русской философско-культурологической традиции
конца XIX – начала XX века
(на материале анализа концепций космизма)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по
специальности 24.00.01 – теория и история культуры (философские науки)

Диссертационное исследование посвящено проблеме, актуальность которой не вызывает сомнений: всю свою историю человеческая культура так или иначе вращается вокруг оппозиции жизни и смерти, присутствие которой в мировой культуре само по себе является важным фактором и призывом к ее философскому осмыслению.

Современная культура отмечена особым драматизмом этой проблематики: жизнь и смерть в пространстве повседневного бытия часто оказываются лишь социально-биологическими происшествиями, в научной реальности – событиями в сфере технологических инноваций, а в человеческих надеждах на бессмертие «страсть к выживанию» (Э. Канетти) все больше вытесняет «страсть к спасению». Тема смерти, страха смерти, страдания человека актуализируется в современной танатологии с акцентом на практическом результате в устранении этих состояний из бытия человека и культуры. Ситуация «антропной катастрофы», обсуждаемая в гуманитарном дискурсе, вынуждает интенсифицировать процесс осмысления концептов смерти и бессмертия в истории и философии культуры из пространства, в котором человек мыслится из самой высокой точки – как элемент космического процесса с перспективой стать его субъектом. В этой связи представляется обоснованной обращенность диссертанта к русской

философско-культурологической традиции конца XIX – начала XX века, а именно к концепциям в философии космизма в поисках такого ресурса.

Кроме того, задача, поставленная в свое время И. Ильиным, остается «в повестке» современной культуры: «пересматривать и обновлять основы нашей культуры», искать в ее пространстве «религиозно укорененные творческие идеи»¹.

Диссертант обосновывает актуальность темы своего исследования в теоретическом, практическом и методологическом аспектах, подчеркивая, что в настоящее время проблема достижения бессмертия стремительно переходит из разряда утопий в плоскость науки и практики (с.3), с чем трудно не согласиться, вспомнив хотя бы «пророчества Р. Курцвейла», человеческая активность «приводит к необходимости кардинального переосмысления человечеством природы собственных страхов и стремлений, своего места и роли в мироздании» (с.4). «Космическое пространство» возможностей для новой постановки и переосмысления проблемы смерти и бессмертия диссертант связывает с потенциалом философии русского космизма (с.5).

Такую направленность исследовательского поиска можно только приветствовать.

Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав и заключения, объем его составляет 140 с., библиографический список включает 147 наименований, включая 35 – на иностранных языках.

Проблема диссертации, обозначенная как исследование характера взаимодействия религиозно-философских и научно-ориентированных концептов смерти и бессмертия в русском космизме, позволяет автору диссертации сформулировать вопросы, гипотезу, цель и задачи.

Для решения поставленных задач и реализации цели автор выбрал в качестве базовой теории культуры концепцию Д.В. Пивоварова, в которой культура понимается как идеалообразующая сторона человеческой жизни и деятельности. Важное значение для анализа концептов смерти и бессмертия имела концепция архетипа страха смерти Ю. В. Грицкова, работы по мортальной и иммортальной парадигмах И. В. Вишева. В качестве базового использован диалектический метод.

Первая глава «Русский космизм и философия смерти и бессмертия» посвящена постановке и анализу проблемы смерти и бессмертия в русской философии культуры, раскрытию специфики русского космизма как особого направления культурологического и философского знания.

В §1 «Русская философия культуры конца XIX – начала XX века. Особенности концепций космизма» представлен исторический обзор культурфилософских идей русской философии культуры XIX–XX вв., определено место концепций космизма в ней, а также описана смена культурной парадигмы, определяющая особенности космического мировосприятия.

Специфику русской философии культуры диссертант усматривает в историософской направленности осмысления культуры, в ее ориентации на «синтез разума, веры, науки и искусства» (с.32). Такая особенность русской философии культуры определена как синкретичность, наиболее ярко выраженная, по мысли диссертанта, в русском космизме (с.33).

Диссертант выявляет особенности концепций космизма, останавливая свой выбор на анализе концепций двух наиболее репрезентативных фигур русской

¹ Ильин И. Наши задачи // Юность. 1990. №8. С.70.

философии – В. И. Вернадского и В. С. Соловьева, философско-культурологические идеи которых задают две линии в космизме как феномене русской культуры – естественнонаучную и религиозно-философскую.

Опираясь на концепцию Пивоварова, диссертант выявляет в них идеалообразующий ресурс. В концепции В.И. Вернадского ноосфера и разум выступают как идеалообразующие идеи, векторы жизни и культуры. Диссертант отмечает вклад концепции ноосферы в русскую философию культуры XX века (с.34). В работе показано, что *идеал ноосферы* интегрирует естественнонаучные и социальные взгляды Вернадского на историю развития человека и культуры, итогом чего становится понимание человека как космопланетного явления, а его деятельности как элемента космического развития (с.37), что свою очередь дает новый импульс идеалообразованию как жизнотворному процессу в культуре.

Анализируя концепцию В.Соловьева, диссертант *раскрывает механизм процесса идеалообразования* в его философии, связывая его со стремлением к совершенствованию человека посредством общего дела (с.41), *выделяет идеалообразующие элементы, вносящие космическое измерение* в содержание русской культуры, русской философии. К таковым отнесены «универсальные цели всего человечества» (с.38), идея богочеловечества, идея безусловного добра как идеал человечества на его пути к Богочеловечеству, софийный идеализм, идея всеединства. Добро определяется как идеальное в культуре и «способ, каким раскрываются космические идеи», через призму которых осмысливается проблема жизни и смерти (с. 40).

Действительно, именно в русской философии проблема смерти осмысливается не только как личностная, но как социокультурная, историософская («судьба России») и глобально-космическая, что схватывается русским космизмом.

Представляется важным подчеркнуть принципиально различную направленность исследовательских поисков в поле космизма, которая неявно обозначена в диссертации: идея глобальности (глобальный эволюционизм, глобализация как социокультурный феномен, феномен глобальности, который обнаруживается в философии русского космизма) и идея космичности – разные. «Глобула» – туман, иллюзия, хаос, «космос» – порядок, строй, лад. Всеединство в космизме В. Соловьева – это идея спасения через духовное преображение, глобализация – идея выживания через физическое преображение. Несоизмеримо разный масштаб целей.

Диссертант приходит к выводу, что русский космизм, будучи уникальной частью русской культуры, напитанный идеями русской философии, остается действенным концептуальным и методологическим ресурсом для современных поисков, в частности, в философии трансгуманизма (с.44).

§ 2 «Проблема смерти в философии культуры» посвящен рассмотрению этапов эволюции представлений человека о смерти, изучению динамики отношения к ней, выявлению историко-культурных вариантов постановки проблемы смерти, проявленности работы архетипа «страха смерти» в философии и культуре.

Диссертант обосновывает иррациональность страха смерти (с.50), развивает представления о парадигмах осмысления смерти – смертной (смертнической) и бессмертной (бессмертнической), отслеживает их исторические траектории.

В диссертации подчеркивается, что «системность», «интегративность» русского мышления, «русского естествознания» оказались созвучны умонастроению космизма (с.58-59) и способствовали тому, что философия космизма перевела задачу достижения

бессмертия в другой регистр целеполагания, поставив вопрос об избавлении от смерти не только на уровне личного, тем более телесного бытия, а шире.

Рассматривая философию русского космизма, диссертант устанавливает его специфику в присутствии двух противоположных моделей отношения к смерти и бессмертию – религиозной и естественнонаучной (с.60), разделяющих самих космистов на два лагеря. Возможность интеграции этих моделей автор усматривает в разработке синкретичной стратегии спасения, в которой бессмертие оказывается «бонусом», средством, условием, но не самоцелью и приобретает смысл только в этом сюжете.

Выводы диссертанта:

1. *установлена* амбивалентность оценок смерти в истории культуры;
2. *описаны* историко-культурные модели отношения к смерти: в архаических культурах родоплеменного общества смерти нет как события индивидуального бытия, род бессмертен; в религиозной средневековой христианской культуре смерть – событие личного бытия, но не безусловное зло, страх смерти вытеснен страхом Божьего суда (с.53); в секуляризованной культуре Нового и Новейшего времени смерть – трагедия личного бытия, абсолютное зло и личный враг;
3. *выявлено*, что источником формирования смертной парадигмы стала индивидуализация проблемы смерти;
4. *продемонстрировано*, что результаты работы архетипа «страха смерти» варьируются в истории культуры по двум линиям: религиозной с ее вариативной мифологией бессмертия, нравственной регуляцией жизни в обмен на посмертное бытие и секулярной, ориентированной на научный прогресс и технические достижения;
5. *показано*, что в современной культуре проблема смерти, во-первых, актуализируется вследствие обострения проблемы личного бытия; во-вторых, ставится в терминах физико-технической задачи.
6. Делается вывод об односторонности современных философско-культурологических стратегий в постановке и поиске решения проблем смерти и бессмертия – они не выходят за рамки парадигмы телесности, даже говоря о «переносе сознания» в более прочный, чем биологическое тело «сосуд» (с.63).

В §3 «Специфика философии культуры русского космизма и ее методологии» диссертант выявляет особенности и ресурсный потенциал русского космизма для альтернативного продумывания проблемы смерти и бессмертия в культуре, соотнося его с современными тенденциями социального и гуманитарного познания.

Прослеживая истоки идей русского космизма в индоевропейской архаике, изучая влияние различных философских и религиозных традиций (античной, неоплатонизма, христианства), диссертант указывает на универсальность космического мировосприятия, индивидуально преломляемую в конкретной культуре. Автор подчеркивает, что русский космизм интегрирует в себе особенности самой русской культуры, предполагающие идею преобразования человека как длительный процесс его совершенствования и идею преобразования мира (с.72).

К важнейшим концептуальным и методологическим положениям русского космизма отнесены «идеи целостности и сопричастности человека и космического бытия» и идеи активной эволюции (с.67).

Отметим, что исихазм, упоминаемый диссертантом в §1.2 также включает идею со-работничества человека и Бога, которая могла бы быть рассмотрена как предтеча идеи коэволюции в философии космизма.

Переход к научному пониманию проблем и возможностей космизма, его методологии, способов достижения его целей диссертант связывает с творчеством Н. Федорова (с. 69), отмечая радикализм его концепции уже на уровне цели.

Козволюционных стратегий движения к совершенству диссертант обнаруживает в концепциях космизма две: 1) стратегия естественного отбора, включая идеи селекции (с. 70); 2) стратегия гуманистическая, включающая идеи солидарности и единства, присутствующие в концепциях ноосферы и «общего дела» (с.71). Из проводимого анализа логично делается вывод о взаимосвязи степени присутствия космизма в разных культурах и успехах научно-практического освоения мира в соответствующих им обществах. «Обращенность к Космосу оказывается характерной для лидирующих в научном и духовном отношении держав» (с.16 автореферата).

§4 «Смерть и бессмертие в космическом направлении культурологического и философского знания» посвящен решению 4-ой исследовательской задачи – анализу концептов смерти и бессмертия в философии космизма.

Описана дискуссия И. Мечникова с В. Бехтеревым об ортобизе как иллюстрация разного отношения мыслителей-космистов к феномену смерти и идее бессмертия (с.75-77). Указано, что общая доминанта космистов – радикальное неприятие смерти и настойчивый поиск ее преодоления в проектах преобразования человека и достижения им совершенства.

Специфика отношения к смерти и бессмертию в русском космизме видится:

1. в инвариантном для всех представителей космизма понимании смерти как главной проблемы человечества (с.78);
2. в антропокосмичности вместо антропоцентричности и вытекающей отсюда иной стратегии взаимодействия с миром, предполагающей органичную гармонизацию части и целого и «кратчайший путь к достижению высоких целей» (с.79-80);
3. вытекающий из антропокосмизма иной масштаб в понимании задачи преодоления смерти как свидетельства несовершенства человеческой природы (с.82) : не точечное и механическое решение проблемы смертности, а радикальное достижение бессмертия для всех живущих и уже умерших (с.80).

В диссертации представлен авторский опыт социологического исследования отношения к смерти как к социальному феномену студентов СФУ, результаты которого показали наличие у них стремления к преодолению страха смерти, в том числе лежащее в поле религиозных представлений (с.81).

Русский космизм, по мысли диссертанта, укрепляет позиции иммортальной парадигмы (с.81), синтезируя в себе религиозные и естественнонаучные интенции, объединяя разноплановые усилия в поисках решения главной задачи – преодоления смерти (с. 83).

Интересным сюжетом в исследовании концепта смерти является дальнейшее развитие диссертантом представлений об архетипе страха смерти в контексте учения К. Г. Юнга о Самости. Этот архетип диссертант называет «инстинктом сохранения Самости», побуждающим искать опору в другой, менее уязвимой Самости, переживание единства с которой является «экзистенциальной защитой» от небытия. На роль такой Самости в историческом пространстве культуры могут претендовать род, племя, нация и человечество в целом (с.85).

Диссертант полагает, что энергия именно этого архетипа запитывает космизм в его поисках путей достижения бессмертия.

В православной традиции, оказавшей сильное влияние на ранний космизм, след «инстинкта сохранения Самости», диссертант разглядел в идее Н. Фёдорова о

необходимости единения всех людей в «общем деле» (с.85). Гуманистический и энергичный пафос космистских идей Н. Федорова «подогрел» интерес и наполнил верой в реальность космических проектов, способствовал становлению России как космической державы.

Американский космизм, по мысли диссертанта, запитан духом протестантского прагматизма (с.86). Однако он уступает в «масштабности Самости» – американская Самость имеет имперский масштаб, русская – «претендует» на общечеловеческий (с.87). Несмотря на различия русского и американского космизма, диссертант указывает на тенденцию их сближения на современном этапе.

Работа архетипа Самости в философии космизма «воплощается в идее абсолютной ценности жизни отдельного человека и всего мироздания» (с.87). Однако иллюстрация этой мысли панпсихической концепцией К. Циолковского (с.87) представляется неудачной из-за его евристических воззрений.

В диссертации анализируется концепция коллективного бессознательного как источника космического мироощущения (архетип смерти, океаническое чувство, архетип дома) и утверждается, что архетип страха смерти – «первая скрипка», инициатор поиска смыслообразований. Конститулируемые им экзистенциальные состояния становятся благоприятной средой, в которой рождаются «космические идеи» – идея необходимости возвращения жизни в космос, идея космического предназначения человека (с.88-89).

Постгуманизм, по мысли диссертанта, это «современная редакция философии космизма» (с.89), открывающая «бессмертную Самость с неисчерпаемыми информационными и энергетическими ресурсами мироздания». Но за ее обретение и победу над страхом смерти человек платит дорогую цену – он платит смертью собственной Самости.

Возникает вопрос: не поторопился ли диссертант с оценкой постгуманизма как новой редакции космизма при таком финале? Космизм, как неоднократно подчеркивалось в работе, оценивает смерть как безусловное зло и ставит задачу преображения, совершенствования человека, следствием чего должна стать победа над смертью. Пост- и трансгуманизм осуществляют подмену задачи – вместо преображения и совершенства человека, утверждается его смерть. Именно с этим связаны опасения философов, культурологов, заявляющих, что человек исчезает как антропологическая данность, он обретает вместо бессмертия некий его цифровой или кибернетический эрзац. То есть концепт бессмертия в транс- и пост-гуманизме не совпадает с концептом в русском космизме.

Диссертант утверждает, что постчеловечество – это результат ко-эволюции человека и космоса (с.89), что не является очевидным. Качественно «отменяется» человек. Не очень понятно, в чем здесь состоит ко-эволюционность? Как связаны постчеловек и космос?

Диссертант подчеркивает неразрывность философского и научного, трансцендентного и имманентного в русском космизме, который пытается проложить путь к бессмертию через коэволюцию человека и Космоса и новое мировосприятие – *антропокосмизм*. Ценным для ко-эволюционности является именно этот сдвиг, парадоксально децентрирующий человека в космосе при сохранении его «центральности» в определенном смысле, в смысле Антропности (даже терминологически биочеловек и постчеловек – разные). Просматривается тенденция в европейской культуре: космоцентризм (античность), теоцентризм (Средневековье), антропоцентризм (Возрождение), субъектоцентризм (Новое время), «смерть субъекта»

(Новейшее время: трансгуманизм – множество дигитальных и биомодифицированных субъектов, постгуманизм – смерть любых субъектов, «демократия объектов»). Антропокосмизм в этом ряду – уникальное явление русской культуры, полностью соответствующее ее духу и соответствующее оценке ее современного состояния в терминах археомодерна, археоавангарда. Археомодерн – это «состояние, когда архаика и модерн берут в плен друг друга», рациональное и иррациональное, научное и религиозное, религиозное и философское – все это оказывается взаимноплененным. В феномене русского космизма это можно увидеть наиболее ясно. Именно «хаотический синкретизм», подпитанный православием, становится источником невероятных по своему накалу и космической масштабности идей космистов. Человек и космос оказываются на «одной волне», что и снимает конфронтацию, сохраняющуюся в западноевропейской культурной традиции, и проявляющуюся в дискурсе выживания. Более того, антропокосмизм обращен к другому дискурсу – дискурсу спасения, причем здесь речь идет о спасении не просто человечества, а всего космоса от неминуемой гибели по закону энтропии! Человек и космос спасаются вместе – вот пафос антропокосмизма.

Во второй главе «Интегрирующая модель концептов смерти и бессмертия» диссертант исследует переход к бессмертной парадигме, выявляет потенциал философии русского космизма в современных стратегиях «преодоления смерти».

§1 «Противостояние «смертной» и «бессмертной» парадигмы в философии науки Нового и Новейшего времени» посвящен анализу процесса и условий перехода от одной парадигмы к другой.

Диссертант приводит определения парадигм, данные И. Вишевым (с.96), раскрывает содержание этих парадигм, подчеркивая устойчивость в культуре «смертной парадигмы» и становление «бессмертной». Процесс становления сопровождается трансформацией гуманизма в иммертогуманизм, признающий возможность достижения личного бессмертия.

Диссертант дает оценку иммертогуманизму как усиленному, «концентрированному» антропоцентризму, противопоставляя ему антропокосмизм (с.97) в бессмертной парадигме русских космистов. Главное отличие иммертогуманизма от антропокосмизма видится в адресности бессмертия: иммертоализм основан на идее индивидуального бессмертия, антропокосмизм – на идее «космизирующегося человечества» (с.97 и с.19 автореферата).

Диссертант указывает на методологический потенциал русского космизма для развития бессмертной парадигмы (с.98).

Во §2 «Подходы к проблеме смерти и бессмертия в русском космизме»² этот потенциал раскрывается в двух подходах к проблеме смерти и бессмертия.

Выделяя и исследуя религиозно-философский и естественнонаучный подходы, диссертант подчеркивает общность их цели – преодоление смерти и достижение бессмертия, но разные способы ее достижения.

Первый подход (Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, А.В. Сухово-Кобылин, Н.А. Бердяев) ориентирован на духовное преображение богоподобного человека на пути к богочеловечеству, второй подход (В. И. Вернадский, Н.Г.Холодный, К. Э. Циолковский, А. К. Манеев, Н.А. Умов, В. Н. Муравьев, В. Ф. Купревич) ориентирован на достижение материального бессмертия тела с помощью науки и технологий.

² Название немного не совпадает с авторефератом.

В русском космизме в конце XIX – начала XX вв. они интегрируются. Уже в рамках первого подхода содержится возможность такой интеграции: «Синтез научного оптимизма и религиозной веры был характерен для всего течения космистов») – подчеркивается в диссертации (с.103). Их объединяет понимание совершенства как единства разума, души и тела (с.113) и стремление к нему.

«Общее дело», всеединство, богочеловечество, ноосфера, антропосфера, духи-атомы, биосиполя, управление временем и космократия, сомнение в обязательности смерти, идея науки о бессмертии – иммортологии – все эти идеи создают в философии русского космизма действительно общее мировоззренческое поле, в котором, как справедливо подчеркивает диссертант, «сглажены различия между материалистическими и идеалистическими трактовками феномена человека» (с.108), а значит усилия по решению фундаментальной проблемы смерти удваиваются.

В автореферате (с.20) отмечено сходство анализируемых подходов и в оценке самого стремления человека к бессмертию. В обоих подходах делается вывод, что на современном этапе оно безнравственно.

Данный вывод делает оценку диссертантом транс- (пост)гуманизма как «новой редакции космизма» уязвимой для критики. Для космистов бессмертие на самоцель, а скорее эпифеномен, следствие совершенного состояния человека, в то время как в современных проектах трансгуманизма победа над смертью и старением – главная цель.

§3 «Основные стратегии интегрирования концептов смерти и бессмертия в русском космизме» содержит исследование предпосылок становления нового, интегративного подхода к разрешению проблемы смерти.

Диссертант начинает с антропоцена, усматривая в переименовании геологической эпохи, если не предпосылку, то знак качественно нового состояния пространства культуры, в котором не только продолжается дискурс, но и ведется практический поиск новых путей «преодоления смерти», связанных прежде всего с биомедициной и технологиями (с.116).

Диссертант подчеркивает, что мы живем в эпоху «перевернутой смерти» (по Арьесу), смерть изгнана на периферию коллективного сознания, но именно в эту эпоху в культуре и философии возникают постгуманизм и трансгуманизм (с.117).

В параграфе исследуются теоретические предпосылки, из которых вырастают эти новые направления в философии и культуре. Представлен обзор современных научных воззрений, объясняющих распространенность «бессознательного неосознания», или так называемого отрицания смерти: концепция Г. Кирко, объясняющая эти установки адаптацией (с.119), теория управления страхом смерти, с моделью поведения «как будто мы вообще не умрем» (с.120), теория Э. Беккера, объясняющая отторжение личной смерти защитной реакцией, заглушающей изнурительную экзистенциальную тревогу и страх, продуцирующийся всей мощью инстинкта выживания, идею Ф. Добржанского о самосознании как эволюционной новинке, нагруженной страхом смерти (с.121).

Диссертант заключает, что эти теории послужили благодатной почвой для становления имморталистской (бессмертнической) парадигмы, разворачивающейся сегодня в пост- и трансгуманизме.

Усматривая глубинную связь между идеями космизма и пост- и трансгуманизма, диссертант достаточно критично смотрит на предлагаемые в них решения проблемы смерти, оценивая их как «однобокие» и «упрощенные» (с.21-22)

автореферата), «механистические», «тушиковый путь» (с.123). Они основаны на подавлении страха смерти проектами достижения цифрового эрцаз-бессмертия.

Насколько рецензент понял замысле автора, интеграция концептов смерти и бессмертия в русском космизме предполагает другую стратегию, начиная уже с иного отношения к страху смерти – «исследовать нормальное сознательное мышление о смерти» (с.121). В пространстве идей русского космизма, русской философии культуры его можно было бы назвать «изживанием смерти» в процессе совершенствования человека.

Русская культура и та ее составляющая, которую представляет космизм, имеет глубокие связи с греческой философской традицией, в которой космос понимался как нечто живое, умное и божественное, рожденное и вечное, а человек стремился ему соответствовать. Эти мифологемы, философемы, образы, проникшие в православное мировидение, живут в русской лирике. В европейской культуре греческое мироощущение, мироощущение было потеряно уже «на входе» в Новое время. Мировоззренческая платформа пост- и трансгуманизма лежит в проекте модерна, а мировоззренческая платформа русского космизма – это какой-то археомодерн или даже археоавангард. Трудность в понимании и оценке этого феномена русской культуры связана с этим.

Русский космизм, имеющий в своем арсенале два подхода-проекта преодоления смерти, условно обозначенные как рационалистический и иррационалистический, открывает более объемное пространство смыслов и возможностей преобразования мира и человека, ставя перед философией культуры, ориентированной на идеи космизма, задачу выработки качественно новой методологии, позволяющей соединить в целостной картине мира достижения научно-ориентированного и духовно-ориентированного подходов к решению проблемы смерти. Диссертант уверен в эффективности методологии, предлагаемой философией русского космизма и формулирует принцип дополнительности религиозно-философского и естественно-научного концептов смерти, отличных от постгуманистических (с. 126).

Выводы исследования в целом соответствуют его цели и поставленным задачам. Основные результаты данного диссертационного исследования, определившие его значимость и научную новизну, состоят, на наш взгляд, в следующем.

1. Обосновано, что космизм, впитавший в себя основные особенности русской философии и культуры (синкретизм, стремление к достижению всеобщего блага) способен выступить концептуальным и методологическим ориентиром для решения ряда актуальных задач, стоящих перед современным человечеством.
2. Установлено, что в актуальных философско-культурологических теориях проблематизация факта конечности индивидуальной жизни обусловлена работой «архетипа страха смерти».
3. Показано, что русский космизм как дискурс философствования выстроен на принципе антропокосмизма в отличие от «новой редакции космизма» в лице постгуманизма.
4. Сформулирован концепт бессмертия в русском космизме, согласно которому преодоление смертности связано с совершенствованием взаимодействия человека и космоса (коэволюцией).
5. Раскрыты основные аспекты противостояния смертной и бессмертной парадигм в философии науки и культуры.

6. Дана критика имморталистской парадигмы, представленной в современной культуре пост- и трансгуманистическими проектами, установлено различие концептов бессмертия в пост- и трансгуманизме и в русском космизме.
7. Концептуализирована взаимосвязь естественнонаучных и религиозно-философских концептов смерти и бессмертия в философии космизма в качестве методологического принципа в осмыслении решений проблемы смерти (принципа дополнительности).

Степень обоснованности данных результатов в диссертационном исследовании достаточно высокая, полученные результаты представляют теоретический и практический интерес и могут быть использованы как в исследованиях по философии культуры, так и в разработке философской теории жизни и смерти.

Вместе с тем некоторые моменты данной работы вызывают если не возражения, то, по крайней мере, желание обратить внимание автора на возможность совершенствования вида, в котором она представлена читателю.

1. Хорошее в целом впечатление от работы несколько смазывается вольным обращением диссертанта с языком: наличием в тексте неудачных оборотов и формулировок, двусмысленно составленных предложений, затрудняющих понимание или изменяющих смысл, досадных опечаток.

Считаем неудачным часто встречающееся в тексте диссертации и автореферате выражение «философия культуры русского космизма», поскольку из него неясно, имеется ли в виду разрабатываемая космистами философия культуры, или же речь идёт о философии космизма как феномене русской культуры (из контекста следует скорее второе). На странице 78 диссертации читаем: «Проблема человека и его место в этом мире являются основами философии космизма». То, что проблемы человека находятся в центре внимания философии космизма, вряд ли означает, что они являются его основой. Если какие-то проблемы и уместно рассматривать в качестве основ какой-то философии, то это гносеологические проблемы философии агностицизма. Диссертант пишет в диссертации: «Несмотря на то, что русский космизм зарождался на основах православного христианства и в качестве религиозного течения, дальнейшее его развитие было подхвачено учеными, представителями естествознания, которые также поддержали основные цели и начали работать над искоренением главной проблемы космизма – преодоление смерти» (с. 82 дисс.). Во-первых, предложение не согласовано. Во-вторых, как представляется, космисты-естествоиспытатели работали не над «искоренением» проблемы преодоления смерти, а над её разрешением, что не то же самое. Диссертант пишет: «Смерть вне зависимости от главенствующих мировоззрений в обществе пугает человека как только он отделяется от рода, племени, коммуны, как только «оформляется» в качестве отдельной, осознанной личности, тем более, что страх смерти – это все же часть общих для животных и человека инстинктов» (с. 92 диссертации). Трудно понять, что здесь хочет сказать автор. Ведь если смерть пугает человека после того, как он отделяется от рода и становится личностью, то страх смерти имеет социальные причины, а не является «частью общего с животными инстинкта». И тогда его не могут испытывать не знающие о своей индивидуальной смертности животные. Если же страх смерти есть часть общих для животных и человека инстинктов, то совсем не обязательно быть «осознанной личностью» и вообще человеком, чтобы его испытывать. Получается, что в одном предложении диссертант без каких-либо оговорок соединил две взаимоисключающие трактовки сущности страха смерти.

2. На странице 64 диссертации читаем: «Далее рассмотрим потенциал русского космизма как наиболее эффективного концептуального и методологического основания для постановки и возможного решения проблемы смерти и достижения бессмертия».

Если проблема смерти ещё не решена, то утверждение о том, что русский космизм является «наиболее эффективным концептуальным и методологическим основанием для её возможного решения», является несколько преждевременным. Налицо ошибка «предвосхищение основания».

3. Анализируя концепции русских космистов (Глава1, параграф 1 /с.26, с.33-35, с.38-39), диссертант то и дело застревает на не относящихся непосредственно к теме исследования подробностях их воззрений и биографий.

Высказанные замечания не ставят под сомнение общую положительную оценку диссертационного исследования Е. Ю. Забелиной. Задачи, поставленные в пределах данной диссертационной работы, автором решены. Выдвигаемые диссертантом научные положения и выводы выглядят уместными и обоснованными. Диссертационное исследование обладает определенным уровнем теоретической завершенности и научной новизной. Содержание автореферата отражает основное содержание диссертации, основные идеи исследования достаточно полно представлены в 9-ти публикациях автора, среди которых 1 статья, в издании, индексируемом в БД Scopus, и 5 – в Перечне ВАК.

На основании вышеизложенного можно заключить, что диссертация Екатерины Юрьевны Забелиной «Проблема жизни и смерти в русской философско-культурологической традиции конца XIX – начала XX века (на материале анализа концепций космизма)» отвечает требованиям пп. 9-11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (ред. 01.10.2018 г. № 1168), а ее автор – Забелина Екатерина Юрьевна заслуживает присвоения искомой степени кандидата философских наук по специальности 24.00.01 – теория и история культуры (философские науки).

Отзыв подготовлен доктором философских наук, доцентом Людмилой Александровной Максименко (maw60@yandex.ru; 89039828503), отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО ОмГМУ Минздрава России (протокол № 8 от 13.02.2021).

Данные организации

644099, Омская область, г. Омск, ул. Ленина, 12

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования «Омский государственный медицинский университет»

Министерства здравоохранения Российской Федерации,

Тел: (3812) 957-002

E-mail: rector@omsk-osma.ru

<http://omsk-osma.ru>

Зав. кафедрой философии и социально-гуманитарных наук

ФГБОУ ВО «Омский государственный медицинский университет»

Минздрава России,

доктор философских наук, профессор

Подпись Л. А. Максименко

ФГБОУ ВО ОмГМУ

Минздрава России Л. А. Максименко

ПОДЛИННОСТЬ ПОДПИСИ

ЗАВЕРЯЮ

Директор по административно-